А. КОРОЛЬЧЕНКО

МИУССКИЕ РУБЕЖИ

SHOUT
SHARE
IT

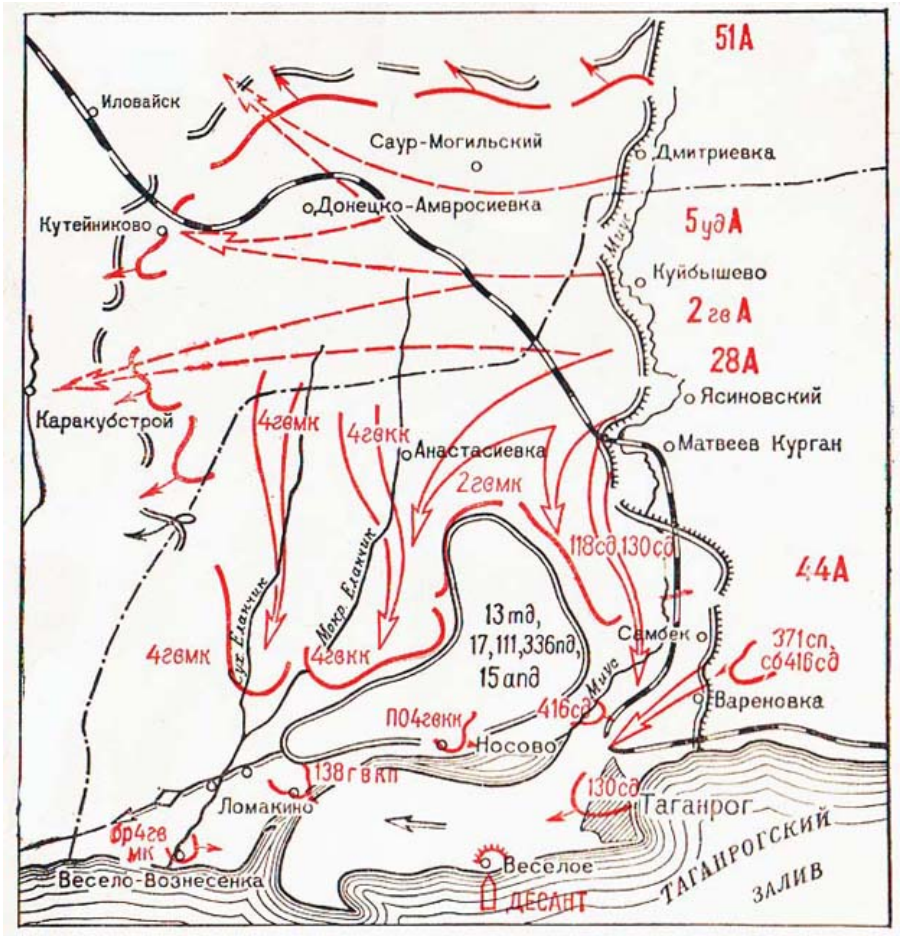
- А. Корольченко
  -
  - Слово к читателю
  - Октябрь — декабрь 1941 года
    - Первые бои
  - Январь — июль 1942 года
    - Грозное затишье
  - Февраль 1943 года
    - Под Матвеевым Курганом
    - Волкова гора
    - В Анастасиевке
    - Исчезнувшие хутора
  - Март — июнь
    - Западнее Ростова-на-Дону
    - Шестьдесят третий
    - В балке Туркова
    - Как был уничтожен дзот
    - Герои 8-й воздушной
  - Июль
    - В упорных боях
  - Август
    - Наступление
    - Самбекские высоты
    - Большая Неклиновка
    - «Черный ворон»
    - На направлении главного удара
    - 15-я атака
    - Саур-могила
    - У Ломакина
    - Морской десант
    - В Таганроге
    - После войны
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

А. Корольченко
Миусские рубежи

Миус, Миус, рубеж великой славы,
Среди огня, цветов и мертвых трав,
Ты встал навек, простой и величавый,
для вечной жизни смертью смерть поправ.

А. Софронов

ОЧЕРКИ О МЕСТАХ БОЕВОЙ СЛАВЫ



Карта-схема разгрома немецко-фашистских войск на Миусе в августе 1943 г.

Слово к читателю

На западе Ростовской области, у границы с Украиной, течет река Миус. Неторопливо, затейливо извиваясь, несет она свои воды. Но как ни спокойно течение, а за долгие тысячелетия река размыла почву, обнажила камень, и правый берег стал крутым, обрывистым. С него далеко видна изрезанная оврагами степь. Широкие колхозные поля летом звенят тяжелыми колосьями пшеницы. В низинах зеленеют островки садов. На каменистых склонах балок — выцветшие плешины горькой полыни.

Над степью и рекой — тишина. В воздухе плывет густой запах разнотравья, в голубом небе бьется жаворонок — далеко разносится его песня. Кажется, что покой этот извечен. Но стоит присмотреться — и непременно увидишь то здесь, то там куски металла с рваными краями — осколки снаряда или мины. Попадается на пути и заросший окоп. Следы войны…

Время все больше удаляет нас от тех лет, когда советские люди с оружием в руках вели жесточайшие бои с немецко-фашистскими захватчиками. Не жалея жизни, бились они с врагом у каждого хутора, каждой высотки, у каждой реки. Одним из таких рубежей и была река Миус. Здесь проходила огненная линия фронта. Над рекой гремели орудийные раскаты, в небе шли воздушные бои. Стонала миусская земля, искореженная бомбами и снарядами. Густо усыпали ее осколки. Плодородные поля были начинены противотанковыми и противопехотными минами.

Многие советские воины — русские и украинцы, армяне и узбеки, белорусы и грузины — отдали здесь жизни в жестоких боях. Около 25 тысяч защитников Родины покоится в могилах на миусской земле.

И когда тебе, дорогой читатель, доведется побывать в этих легендарных местах, поклонись подвигу павших и оставшихся в живых героев Миуса.

Октябрь — декабрь 1941 года

Первые бои

Первые бои на Миусе вспыхнули в октябре 1941 года. В этот период шло сражение у стен Ленинграда, огромные силы врага были стянуты к Москве, на юге немецкие части рвались к Ростову, намереваясь в дальнейшем захватить Кавказ.

Советское командование, стремясь остановить наступление противника на юге, делало все возможное, чтобы удержать Ростов и сорвать планы гитлеровцев. Подступы к городу и рубеж реки Миус, спешно укреплялись. Оборонявшаяся здесь 9-я армия, которой командовал генерал-майор Ф. М. Харитонов, усиливалась стрелковыми и кавалерийскими дивизиями. В районе Таганрога был создан боевой участок, войскам которого было приказано занять оборону на миусских высотах.

В середине октября передовые части 1-й немецкой танковой армии генерала Клейста прорвались к устью реки. Завязались напряженные бои. Войскам 9-й армии и Таганрогского боевого участка удалось нанести врагу контрудар. Не выдержав его, немцы отошли от реки на 10–15 километров. Однако вскоре они сумели создать превосходство в силах и 17 октября, форсировав Миус, заняли Таганрог.

До конца октября в сводках Совинформбюро сообщалось о напряженных боях на таганрогском направлении: войска 9-й армии вели бои с рвавшимися к Ростову танковыми частями противника.

Наступавшая здесь 1-я танковая армия Клейста состояла из отборных соединений. Каждая дивизия имела до 250 ручных и до 100 станковых пулеметов, много артиллерии и минометов. Танковые дивизии насчитывали до 300 средних и тяжелых танков.

Этой силе, кроме 9-й, противостояла также 56-я Отдельная армия. На нее возлагалась оборона Ростова. Командующим армией был назначен генерал-лейтенант Ф. Н. Ремезов.

Немецко-фашистское командование намечало разгромить советские войска севернее Таганрога, обойти Ростов и форсировать Дон восточнее города.

5 ноября в 8 часов утра около 70 немецких танков и мотопехота атаковали боевые порядки нашей 136-й стрелковой дивизии. Неся значительные потери, противник все же вгрызался в оборону советских войск. В 12 часов он был вынужден ввести в бой еще 60 танков и до двух полков мотопехоты.

Попытки врага глубоко вклиниться в наше расположение, а затем выйти в тыл 9-й и 56-й армиям разбивались о стойкую

оборону. Потеряв в первый день боя около 60 танков, немцы стали действовать более осторожно.

Сосредоточив превосходящие силы западнее Ростова, противник 17 ноября вновь начал наступление и занял село Большие Салы. На следующий день враг сосредоточил на узком участке уже до 100 танков. Бои разгорелись западнее села Красный Крым. Потеряв 25 танков, противник все же овладел селом.

Во второй половине дня 20 ноября немецкие танки проникли в поселки Орджоникидзе и Красный город-сад, а батальон автоматчиков с 30–40 танками прорвался в район Ростовского вокзала и стал продвигаться к центру и в южную часть города. 21 ноября противнику удалось овладеть Ростовом.

Осложнение обстановки потребовало срочных мер. В районе Каменска вступили в сражение дивизии 37-й армии. Контратаками продвижение врага было остановлено.

В этих боях особую доблесть показали воины 733-го полка из 136-й ордена Ленина стрелковой дивизии. Полк, несмотря на удар противника силами до 100 танков и обход левого фланга, ни на шаг не отошел от рубежа и заставил гитлеровцев повернуть назад.

Утром 27 ноября 37-я и 9-я армии перешли в решительное наступление. Противник, стараясь не допустить выхода наших частей к Азовскому морю, оказывал отчаянное сопротивление. Используя преимущество в подвижности, он подбрасывал из глубины резервы и усиливал свой участок обороны между Ростовом и Таганрогом.

К исходу 29 ноября части 37-й армии подошли к населенному пункту Султан-Салы, а части 9-й армии — к Большим Салам. Наступавшие из района Новочеркасска 68-я кавалерийская, 317-я стрелковая дивизии и 6-я танковая бригада совместно с частями 56-й армии прорвались на окраину Ростова. Одновременно части этой армии по льду форсировали Дон и овладели южной окраиной города. Немецкие части вынуждены были с боями отходить. Ростов был освобожден.

Несмотря на категорический приказ Гитлера, танковая армия Клейста продолжала откатываться. И только с помощью подошедших подкреплений противнику удалось вывести остатки разгромленной армии за реку Миус.

К 10 декабря боевые действия на Миусе затихли, Войска перешли к обороне.

Январь — июль 1942 года

Грозное затишье

Семь долгих месяцев держали оборону наши части на Миусе. Советские воины не только отражали попытки врага наступать, но и сами совершали дерзкие вылазки.

Холодной ночью разведчики 347-й Краснодарской стрелковой дивизии во главе со старшим лейтенантом Клевским скрытно проникли в расположение врага. Захватив «языка», они уничтожили до взвода гитлеровцев и благополучно вернулись в свою часть. Пленный дал ценные сведения командованию.

Трое суток полк этой дивизии вел бой за улучшение позиции. Необходимо было взять высоту, превращенную противником в опорный пункт, и лишить врага возможности безнаказанно вести огонь по нашему расположению. Задача была выполнена.

В боях под Ростовом и на Миусе отличились и воины 339-й Ростовской стрелковой дивизии. Именно ее разведчики вели здесь бой, после которого один из родников севернее Матвеева Кургана, где располагается усадьба знаменитого своими садами совхоза Сад-база, назвали «Солдатской криницей». Было это так.

Весной 1942 года в тех местах проходила линия обороны дивизии. На склонах высот, занятых противником, стояла подозрительная тишина, лишь иногда оттуда доносились гул моторов и редкая стрельба. Такая тишина настораживала: очевидно, враг что-то замышляет…

Темными ночами разведчики пытались проникнуть за Миус, но каждый раз возвращались ни с чем — немцы были настороже.

«Любой ценой раздобыть „языка“» — поступил приказ из штаба дивизии.

И тогда вызвался идти в поиск командир батальона Зайцев.

— Ну, что же, — сказали ему в штабе, — если уверены в успехе, идите. Два дня на подготовку.

Тщательно изучая каждый клочок земли на переднем крае обороны противника, высматривая все, что могло принести успех делу, комбат заметил в проволочном заграждении проход. От прохода шла едва заметная тропинка. Она тянулась к ключу, бьющему из расщелины на крутом берегу. Разгадка была проста: немцы ходят сюда за водой.

Следующей ночью Зайцев с тремя разведчиками залег у ключа. Они лежали, терпеливо выжидая появления немцев. Только на рассвете показалась фигура человека с канистрой в руке. Немец осторожно спустился к ключу и едва наклонился, как разведчики навалились на него. Однако он успел закричать. Из окопов бросились к нему на выручку.

— Всем отходить! — приказал Зайцев и лег за пулемет. Он вел огонь, прикрывая переправу разведчиком с «языком» через Миус.

Гитлеровцы обрушили на комбата шквал огня. Били минометы, отсекая путь к реке. Свистели над головой пули. Вскоре пулемет Зайцева умолк…

— Отчаянный был воин, — сказали о комбате в штабе. И уже начали было писать извещение о его смерти. А следующей ночью он вернулся: контуженный, раненый, в изодранной гимнастерке, с покалеченным пулеметом, но живой!

Активную деятельность развернули в тылу врага партизаны. Были созданы отряды в Неклиновском, Матвеево-Курганском, Азовском районах. Так, в ночь на 1 января 1942 года партизаны неклиновского отряда «Отважный-1» под командованием Н. П. Рыбальченко уничтожили немецкие гарнизоны в селах Троицкое и Петрушино. Им удалось добыть ценные сведения о силах противника в Таганроге, вывести из вражеского тыла 15 красноармейцем и группу гражданского населения. Партизаны разгромили гарнизон и в селе Русская Слобода, и 20 километрах западнее Таганрога. Неоднократные вылазки совершали они в занятые немцами села на побережье Азовского моря.

Особенно ценными были их сведения о дислокации немецких войск. В этом партизаны оказывали большую помощь командованию советских частей.

Планируя наступление летом 1942 года, Гитлер намеревался захватить прежде всего Сталинград и Кавказ. Миусский рубеж был тем плацдармом, с которого немецкие полчища начали свой поход на юг. В директиве немецкого командования № 41 указывалось: «Первоначально необходимо сосредоточить все имеющиеся силы для проведения главной операции на южном участке фронта с целью уничтожить противника западнее реки Дон и в последующем захватить нефтяные районы Кавказа и перевалы через Кавказский хребет»[1].

Немецкое наступление на южном участке советско-германского фронта началось в середине июля 1942 года. 24 июля, после ожесточенного и героического со противления, город Ростов-на-Дону был нами оставлен. Однако окружения советских войск, как предусматривал немецкий план, не произошло. Части Красной Армии отступили на юг…

Февраль 1943 года

Под Матвеевым Курганом

Разгром под Сталинградом армии Паулюса вынудил немецкие части спешно отходить к Миусу. Миусский рубеж с его укреплениями казался им надежной защитой. Враг отходил, яростно сопротивляясь. Гитлеровское командование понимало, что если советские войска с ходу ворвутся в Ростов, то произойдет окружение кавказской группировки немцев. Каждый населенный пункт противник сдавал с боем.

А Южный фронт наступал. Его части, ломая сопротивление врага, неудержимо шли вперед, освобождая города и села Ростовской области. 12 февраля части 5-й ударной армии ворвались в Шахты. На следующий день наступавшая южнее 2-я гвардейская армия освободила Новочеркасск. 14 февраля 28-я армия генерал-лейтенанта В. Ф. Герасименко овладела Ростовом.

С выходом 5 февраля 44-й армии к Азову путь отхода кавказской группировки врага к Донбассу был перекрыт. Успевшие выскользнуть остатки 1-й танковой армии также отходили к Миусскому рубежу. Туда же, на реку Миус, перебрасывались свежие и наиболее боеспособные войска из Бельгии и Голландии, Франции и с Балкан. К 18 февраля противник сосредоточил здесь 30 дивизий.

В приказе Гитлера войскам группы армии «Юг» и 4-му воздушному флоту от 21 февраля 1943 года говорилось: «Исход сражения мирового значения зависит от вас. За тысячи километров от границы Германской империи определяется будущее благосостояние германского государства. Основная тяжесть этого боя легла на вашу долю… Если сегодня русские продвигаются вперед, то, как и в прошлую зиму, придет момент, когда это продвижение застрянет в грязи далеко от коммуникаций противника»[2].

И вот советские войска вновь вышли к Миусу. В образованный 2 февраля Южный фронт вошли 51-я, 5-я ударная, 2-я гвардейская, 28-я и 44-я армии, принимавшие участие в разгроме противника под Сталинградом, в районе Котельниково либо на Кавказе.

Наступавший в авангарде войск Южного фронта 4-й гвардейский Сталинградский механизированный корпус попытался с ходу овладеть сильно укрепленным пунктом врага — Матвеевым Курганом. Но немцы открыли по угрожаемым участкам сосредоточенный артиллерийский огонь. Тогда решено было атаковать Матвеев Курган одновременно с трех сторон: с севера — силами 15-й, с юга — 14-й гвардейской

механизированной, с востока — 13-й бригады. 37-му танковому полку была поставлена задача овладеть железнодорожной станцией.

Первым ворвался в Матвеев Курган танк лейтенанта А. М. Ерошина. Искусно маневрируя среди развалин, он уничтожил четыре пушки противника, смял восемь грузовиков, влетел на мост и разогнал немецких подрывников, минировавших его. За ночь танк Ерошина получил 58 вмятин на броне и сквозную пробоину. Один из членов экипажа был убит, остальные ранены. Но лейтенант смело повел танк в глубь опорного пункта врага и продолжал сражаться с превосходящим по численности противником.

Весь день шел ожесточенный бой в Матвеевом Кургане. А в ночь на 18 февраля танки и другие боевые машины корпуса переправились на правый берег Миуса и подошли к высоте с отметкой 105,7.

Волкова гора

С нее, высоты 105,7, лежащей к западу от Матвеева Кургана, как на ладони видны домики, ленты дорог, изгибы Миуса. Местные жители называют ее Волковой горой.

Высота преградила путь 15-й механизированной бригаде 4-го гвардейского мехкорпуса, наступавшей на село Анастасиевку. Три линии траншей, опоясавшие Волкову гору, ощетинились огнем. Высота гремела и содрогалась от разрывов. О напряженности боя свидетельствует его результат: за день было уничтожено до 900 немцев, захвачено 24 орудия и 40 автомашин. Но когда, овладев высотой, корпус ушел вперед, немцы поспешили снова занять ее.

После этого высоту атаковали воины 3-го гвардейского механизированного корпуса, части которого в ноябре 1942 года замкнули кольцо окружения немецких войск у Сталинграда. Под прикрытием огня артиллерии и минометов гвардейцы бросились на штурм высоты. Едва они приблизились, как ударили скрытые в каменно-земляных укреплениях десятки пулеметов. Высота от подножия до вершины замерцала вспышками. Все потонуло в грохоте боя. Атака была отбита.

Тогда решили атаковать высоту вечером. Едва наступила темнота, гвардейцы вплотную подобрались к позициям врага, забросали их гранатами и кинулись врукопашную. В ход пошли приклады, штыки, ножи. Особенно отважно действовал рядовой Ладыженский. Возглавляя группу, он выбил противника из блиндажа и захватил его. К утру враг был изгнан из первой линии траншей.

С наступлением темноты гвардейцы опять перешли в атаку. И опять вспыхнул рукопашный бой. К утру удалось захватить вторую линию траншей, затем третью…

Так в течение нескольких дней продолжались бои за высоту 105,7, имевшую важное значение.

В Анастасиевке

А в это время 4-й гвардейский механизированный корпус, преодолев передний край обороны врага, устремился к Анастасиевке. Это большое село находилось в 25 километрах от реки. Неожиданно для немцев, убежденных в неприступности миусских укреплений, ночью здесь появились советские танки и пехота. Бой был коротким, противник поспешно отступил.

Утром к командиру корпуса пришло почти все мужское население села. Мужчины и юноши изъявили желание сражаться вместе с гвардейцами против гитлеровцев. Из них были созданы три отряда. В то же утро ополченцы с гвардейцами выбили немцев из соседних сел — Марфинка и Мало-Кирсановка.

А к вечеру немцы превосходящими силами перешли в контратаку.

Гвардейцы и ополченцы дрались отчаянно. Вот строки из донесения, в котором названы имена наиболее отличившихся ополченцев: «Авдиенко Иван Андреевич и Коваленко Владимир Иванович в селе Анастасиевке взорвали автомашину со снарядами, а другую машину вывели из строя, повредив мотор и бензобак, а также убили шесть солдатов и офицеров.

Лебедев Леонид Петрович сжег два стога сена, предназначенные для немецкого обоза во время отступления немцев из города Ростова. В селе Мало-Кирсановке он убил двух немецких автоматчиков. Панин Василий Николаевич в селе Анастасиевке взорвал автомашину с бензином. В Мало-Кирсановке вместе с другими партизанами он уничтожил автомашину и шесть гитлеровцев. Сердюков Иван Максимович убил девять солдат и двух немецких офицеров.

Умело руководили боевыми действиями командир отряда Савченко Тарас Григорьевич и комиссар Добрыненко Степан Силаевич.

Активно действовали Манец Петр, Попов Василий Максимович, Марусич Иван Данилович, Губарев Василий Степанович и другие товарищи».

Но силы были неравны. Корпусу приказали отойти, вместе с ним отходили и ополченцы. Однако не всем это удалось.

Были арестованы все мужчины, начиная с 14-летних подростков. Дома партизан были сожжены, более сорока костров вспыхнуло в селе. Подозреваемых отвозили в соседнее село Мало-Кирсановку, где размещалось гестапо, и оттуда они уже не возвращались.

Врагам удалось схватить гвардии лейтенанта Маракушева.

Его пытали, стараясь выведать сведения о части, где он служил, о жителях, которые были в его отряде. Офицер ничего не сказал фашистам.

Накануне расстрела он передал соседу по камере свой комсомольский билет, пронесенный у сердца в пламени Сталинградской битвы, в боях на Дону и Миусе. А на клочке бумаги он написал письмо матери и друзьям. «Дорогая мама! Братья, друзья, товарищи! — писал он. — Быть может, я погибну: нахожусь в очень тяжелом положении, в тылу у врага, без боевых друзей-фронтовиков. В последнее время был командиром партизанского отряда…

Знайте, маменька, сестры и братья, что ваш сын и брат немало истребил врагов и крепко любил вас и свою Родину. И если враги добьются моей смерти, то она уже дорого им обошлась. Крепко целую, мои родные! Гвардии лейтенант Маракушев».

31 апреля 1943 года гитлеровцы расстреляли мужественного патриота вместе с девятью его боевыми товарищами в селе Мало-Кирсановке.

Исчезнувшие хутора

Неподалеку от высоты 105,7 находится хутор Дараганов. В километре от него, на восточных скатах гряды, некогда были два хутора: Круглик и Зевин. Теперь их нет.

Ударами авиации, методическим огнем артиллерии и минометов, гусеницами танков враг превратил дома в развалины, стер их с лица земли.

88-й и 91-й гвардейские стрелковые полки 33-й дивизии, используя успех 4-го гвардейского механизированного корпуса, вклинились в оборону противника западнее Матвеева Кургана. Не задерживаясь, подразделения устремились вперед.

На рассвете полки ворвались в два небольших хутора. Чтобы установить связь с 4-м корпусом, гвардейцы направили вперед разведку. Разведчикам удалось захватить пленных. Пройти дальше они не смогли. Пленные подтвердили наличие больших сил в глубине обороны. В эти дни немецко-фашистское командование спешно стягивало сюда свежие части.

Наступил холодный рассвет. Порывистый ветер крутил в воздухе снежинки. Сбросив шинели, упрямо долбили неподатливый грунт артиллеристы. Они слышали, как командир полка говорил их командиру лейтенанту Слуцкому:

— Вы, лейтенант, со своими орлами прикройте пехоту. Ни одна сволочь здесь не должна пройти!

Едва артиллеристы установили орудия, как наблюдатель доложил:

— Вижу на дороге танки!

В сизом рассвете медленно плыли танки. А за ними виднелась густая россыпь пехоты.

— Один, второй, третий… шестой, — считал лейтенант машины. — Двенадцать… восемнадцать!..

Тягостно долгими казались солдатам секунды. Укрывшись за броневыми щитами, они следили за приближающимися танками.

— Бей в крайнего слева, — подсказывал наводчику ефрейтору Сементьеву сержант Лютов.

— Батаре-ея! — поднял руку Слуцкий. — Огонь!

Четыре орудийных выстрела прогремели разом.

Словно состязаясь в скорострельности, орудия посылали в танки снаряд за снарядом. Две машины загорелись. Справа и слева от батарей по танкам и цепи гитлеровцев била пехота. Не выдержав огня, немцы вначале залегли, а потом стали отходить в лощину. За ними отошли танки.

Раненный в голову и руку, лейтенант Слуцкий лежал на дне

окопа.

— Потерпите, товарищ лейтенант, — приговаривала санинструктор батареи Тая Попова, перевязывая его. — Я сейчас, разом.

Налетели самолеты. Их было около пятнадцати. Образовав в потемневшем небе карусель, они кружили над батареей, над позициями стрелков, круто падая вниз, сбрасывали бомбы. Судорожно вздрагивала земля.

За бомбежкой последовала новая атака. Зайдя с фланга, танки устремились на батарею. Один из них утюжил окоп, в котором находились солдаты-пехотинцы. Второму удалось ворваться на позицию крайнего орудия и подмять его.

Тихо охнув, опустился на землю наводчик Сементьев. Лютов бросился было к нему, но из-за бугра неожиданно показался корпус танка. Длинный ствол его пушки стал разворачиваться в сторону орудия. Исход поединка решали секунды. Сбросив шинель, Лютов лихорадочно вращал механизм наводки.

— Получай!

Прогремел выстрел. И тут же раздался звенящий взрыв. Пушку отбросило. В щите ее зияла пробоина. Отшвырнуло и сержанта. Видя надвигающийся танк, он тут же вскочил, схватив гранату, и бросился к нему…

В полдень в атаку перешло уже до пятидесяти танков с пехотой. Авиация беспрерывно бомбила и без того разрушенные до основания хутора. Уверенные в победе, гитлеровцы кричали: «Рус, капут! Сдавайс!» И снова шли в атаку. И снова откатывались назад…

За этот бой многие солдаты, сержанты и офицеры были награждены орденами и медалями, а командиры 88-го и 91-го полков — подполковник Д. В. Казак и майор А. Д. Епанчин — удостоены звания Героя Советского Союза.

От хутора Зевина сохранились лишь развалины.

…Навсегда вошла в боевую летопись сражения за Миус и высота с отметкой 101. В феврале 1943 года рота, которой командовал лейтенант Владимир Есауленко, ночью атаковала сильно укрепленные позиции фашистов в селе Ряженое. Умело и бесстрашно действовал командир. В решающий момент он уничтожил гранатами вражеский дот, был ранен, но продолжал руководить боем. Воины роты первыми ворвались в село, и здесь вражеская пуля оборвала жизнь командира. Ему посмертно было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Тринадцать бойцов под командованием политрука Григория Гардемана вступили в бой у села Политотдельского с девятью фашистскими танками. Уничтожив несколько машин, воины ценой жизни выполнили задачу. Г. И. Гардеману присвоено было звание Героя Советского Союза.

Освобождали село Ряженое и воины 5-го гвардейского Донского казачьего корпуса. 20 февраля части его 11-й и 12-й дивизий с ходу преодолели Миус и атаковали высоту 101. Сильно укрепленная, она стала местом ожесточенных боев.

Март — июнь

Западнее Ростова-на-Дону

В конце февраля советские части по приказу командования перешли к обороне. Между тем враг продолжал наращивать и совершенствовать и без того сильные укрепления Миусского рубежа. На переднем крае и в глубине создавались минные поля, устанавливались проволочные заграждения, сооружались дзоты и бронеколпаки, толщина брони которых доходила до 80 миллиметров.

Об этих бронеколпаках дает представление следующая запись командира роты 687-го пехотного полка 336-й немецкой дивизии: «Сегодня вечером на совещании командиров рот давались объяснения по поводу применения бронированных куполов для пулеметных гнезд. На моем участке будет два таких купола, каждый весит 84 центнера. Пулеметы в них уже смонтированы, и вся эта штука имеет много преимуществ, так как купола не пробиваемы никакими снарядами… Здесь можно хранить боекомплект до 5000 патронов. Неприятности будут только с подвозом этих бронированных скорлуп, для которых понадобятся тягачи. Сегодня ночью для купола уже была вырыта в балке целая шахта. Надеюсь, что теперь у меня не будет потерь в личном составе»[3].

Один из гитлеровских генералов самодовольно докладывал фюреру, что Миус-фронт неприступен, что штурмовать его равносильно попытке пробить головой гранитную стену.

Миусский рубеж прикрывал подступы к Донбассу. А «Донбасс играл существенную роль в оперативных замыслах Гитлера, — писал бывший командующий группой армии „Юг“, оборонявшей подступы к Донбассу, фельдмаршал Манштейн. — Он (Гитлер. — **А. К.**) считал, что от владения этой территорией, расположенной между Азовским морем, низовьями Дона и нижним и средним течением Донца и простирающейся на западе примерно до линии Мариуполь (Жданов) — Красноармейское — Изюм, будет зависеть исход войны. С одной стороны, Гитлер утверждал, что без запасов угля этого района мы не сможем выдержать войны в экономическом отношении. С другой стороны, по его мнению, потеря этого угля Советами явилась бы решающим ударом по их стратегии. Донецкий уголь, как считал Гитлер, был единственным коксующимся углем (по крайней мере, в Европейской части России). Потеря этого угля рано или поздно парализовала бы производство танков и боеприпасов в Советском Союзе»[4].

За укрепленными позициями гитлеровцы чувствовали себя в безопасности. Они развлекались устройством клубов, харчевен,

музыкальных вечеров. Один из участков 336-й пехотной дивизии именовался «Берлин-на-Миусе». Вдоль траншей были укреплены таблички с надписью: «Унтер-ден-Линден», «Фридрихштрассе», «Кюрфюрстендамм». Уроженцы прусского городка Гаммельна, имевшего репутацию веселого, оборудовали в полутора километрах от переднего края трактир с золоченой вывеской — совсем как у себя дома.

Миусские рубежи обороняли соединения оперативной группы «Холлидт» и 4-й танковой армии. 5 марта 1943 года поступил приказ о создании 6-й немецкой армии вместо уничтоженной под Сталинградом армии Паулюса, на которую возлагалась задача обороны Миус-фронта.

Южный участок немецкой обороны занимал сильный по своему составу 29-й корпус. Входящая в него 336-я пехотная дивизия, одно из наиболее боеспособных соединений 6-й армии, находилась в районе села Куйбышево. Ее позиции в штабе корпуса считали неприступными. Командовали ротами и батальонами опытные офицеры. В артиллерийском полку имелся дивизион шестиствольных минометов.

Не менее боеспособной была и 15-я авиаполевая дивизия. Части ее были оснащены мощным вооружением. Одних пулеметов в дивизии насчитывалось около шестисот. Много было и орудий, особенно противотанковых и зенитных.

В районе Таганрога располагались части 111-й пехотной дивизии. Это некогда грозное соединение было изрядно потрепано зимой на Кавказе. После отвода дивизии в район Таганрога гитлеровское командование стало спешно укомплектовывать ее личным составом и боевой техникой.

Всего на 120-километровом участке фронта было сосредоточено до девяноста тысяч солдат и офицеров противника. Сюда же в конце мая из Франции прибыла 17-я пехотная дивизия, насчитывающая двенадцать тысяч человек.

Заняв оборону на Миусе, немецко-фашистское командование не отказалось, однако, от наступательных планов и проводило деятельную подготовку очередного похода на Волгу и Кавказ. Солдатам открыто говорили о наступлении в июне, конечной целью которого должен быть выход к Волге. Каждый полк и дивизия получили, определенную задачу. Так, 336-я пехотная дивизия должна была захватить плацдарм на левом берегу Миуса в районе села Куйбышево, после чего перерезать железнодорожную магистраль на Ростов.

До начала же наступления усиленно рекламировались миусские укрепления.

Эти меры немецкое командование проводило не случайно:

оно хорошо понимало, что в случае крушения миусского рубежа все их планы похода на Волгу и Кавказ безнадежно рушились. Укрепления на Миусе им нужно было удержать любой ценой, и для этого предпринималось все возможное. О них часто упоминали в немецких сводках. Появились пространные очерки о командующем группой армий «Юг» фельдмаршале Манштейне, о генерал-полковнике Холлидте — командующем 6-й немецкой армией, о командире 16-й моторизованной дивизии генерал-лейтенанте Шверине.

Чтобы поднять боевой дух личного состава, немецкое командование не скупилось на награждения офицеров и солдат вновь созданной 6-й армии. Генерал Карл Холлидт получил «дубовые листья» к рыцарскому ордену. Его шумно поздравляли как командующего неприступным Миус-фронтом.

До июня продолжались на Миусе бои. Сообщения о них в сводках Совинформбюро начинались словами: «Западнее Ростова-на-Дону…» и занимали две-три газетные строчки. Подробностей — никаких. Но за скупыми строчками скрывались героические дела советских воинов.

Шестьдесят третий

Перед рассветом один из лучших снайперов 5-й ударной армии сержант Федор Рязанцев знакомой тропой вышел к переднему краю. Осмотревшись, он ползком направился к развалинам дома. Сержант давно облюбовал это место: отсюда хорошо просматривались оборона противника, его огневые точки, посты наблюдения. Стояла немая тишина. На востоке занималась заря. Федор подполз к трещине в стене, осмотрелся. Всходившее солнце освещало белые плоские камни на скате горы. Под ветерком шевелился чахлый кустик прошлогодней травы.

Выстрел вражеского снайпера прогремел внезапно, пуля прошла над самой головой. Сержант переждал немного, собираясь с мыслями.

Рязанцев подумал, что день сегодня будет тяжелым: придется вступить в единоборство с немецким снайпером. Гитлеровец не обнаружен, в этом его преимущество. Но зато у Федора есть запасные позиции. К тому же они находятся в тени, в то время как скат горы, где засел гитлеровец, освещен солнцем.

Нужно перехитрить врага. Сержант положил на кирпич осколок стекла. Расчет был прост: взойдет повыше солнце, стекло заблестит, привлечет внимание гитлеровца, который, может быть, выстрелит, и тогда…

Федор тщательно прощупывал взглядом скат. Он казался безжизненным. «А, может, это случайная пуля?» — промелькнула мысль, но тут же была отвергнута. Опыт подсказывал, что снайпер затаился и выжидает.

Медленно тянулись минуты. От неподвижности ныло тело. Федор искоса посматривал на стекло: не подобралось ли к нему солнце. И опять напряженно вглядывался в скат.

«А если выстрелить в тень от камня? Возможно, там амбразура? — подумал он. — Нет, бить нужно наверняка. Промахнуться — значит выдать себя».

Сержант посмотрел на кирпич. Луч солнца медленно подбирался к нему. Сейчас стекло заблестит…

Прогремел выстрел гитлеровца. Пуля чиркнула по кирпичу. Стекло разлетелось. А от бугорка по скату покатились камешки. Федор напряг зрение. Под бугорком виднелась полоска тени. Амбразура! Она замаскирована высохшей травой.

Федор тщательно прицелился и затаил дыхание. Плавно нажал на спусковой крючок…

На исходе дня Рязанцев увидел, как два немца волоком тащили безжизненное тело. Это был шестьдесят третий

гитлеровец, уничтоженный снайпером на Миусе. А всего он вывел из строя более ста вражеских солдат и офицеров.

В балке Туркова

26 мая 1943 года в сводке Совинформбюро отмечалось, что «западнее Ростова-на-Дону немцы на ряде участков пытались вести разведку боем». Одним из таких участков была балка Туркова. Там оборонялись воины 320-й стрелковой дивизии. В боевом донесении об этой разведке было сказано:

«В 12.00 три группы немцев, численностью до 120 человек, пытались пройти за свой передний край в районе балки Туркова.

В 12.40 до батальона пехоты сосредоточилось в балке Паровая.

В 14.15 под прикрытием сильного минометного и пулеметного огня до батальона пехоты предприняли активные действия в районе Рясный и балки Туркова, Подпустив немцев, наши подразделения открыли по ним огонь. До 30 немцев было уничтожено.

В 4.00 следующего дня после 20-минутного огневого налета по району Ряженое до батальона пехоты противника атаковали наш передний край. Понеся потери, противник отошел»[5].

Дом с низкими оконцами, с облупившимися стенками, разобранной крышей, казался заброшенным. Однако разведчики знали, что там находится вражеский пулеметный расчет. Артиллеристы хотели было уничтожить его огнем своих пушек, но младший лейтенант Махнев запротестовал:

— Нельзя. Вспугнете немца, а нам здесь «языка» брать.

Трое суток разведчики не спускали глаз с дома. Они узнали, что, кроме расчета, там находилось до полутора десятков гитлеровцев. По ночам немцы дежурили, то и дело пускали ракеты и на всякий случай стреляли длинными очередями.

«Языка» решено было брать с наступлением темноты, когда часть немцев уходила в тыл.

К вечеру небо затянуло тучами, стал накрапывать дождь.

— Пора, — сказал младший лейтенант и первым выбрался из траншеи.

За ним тенями скользнули несколько солдат в маскхалатах. Они должны были помочь второй группе, возглавляемой старшиной Гостевым, захватить «языка». Один за другим, след в след, прошли разведчики свое минное поле. Издалека слышался артиллерийский гул, напоминавший беспрерывные раскаты грома. Где-то шел бой. По едва заметной тропинке, вытоптанной немцами, прошли минное поле врага. Дальше начинался болотистый участок.

Наконец разведчики вышли к дорожке, ведущей от дома в

тыл. Едва Махнев отдал последние указания, как послышались многочисленные голоса и шаги. По дорожке к дому, громко разговаривая, шагали немцы. Разведчики залегли. Немцы были совсем рядом — рукой подать.

Не подозревая об опасности, фашисты сложили у дома оружие и принялись забивать колья, натягивать проволоку: устраивали заграждение. Выработанный план нарушался, действия осложнялись: немцев было вчетверо больше, чем разведчиков. Однако возвращаться без «языка» было нельзя.

По сигналу советские воины бросились на гитлеровцев. Завязалась отчаянная схватка. Рядовой Кречетов дрался сразу с четырьмя. Очередями из автомата он разделался с двумя солдатами, а с остальными помог справиться Шевченко. Рядовой Бирюков, схватив ручной пулемет за ствол, прикладом уложил двух гитлеровцев.

А в это время младший лейтенант Махнев и старшина Гостев, ворвавшись в дом, вступили в схватку с оставшимися немцами. Одному фашисту скрутили руки, забили в рот кляп. Еще двух «языков» взяли другие разведчики.

Взвилась выпущенная младшим лейтенантом зеленая ракета. Не задерживаясь, почти бегом разведчики бросились назад. А по дому, прикрывая отход смельчаков, открыла огонь наша артиллерия. Вскоре разведчики благополучно вернулись в расположение своей части и доставили «языков».

Как был уничтожен дзот

У села Куйбышево, где скалы нависают над рекой, немцы построили дзот. На третий день после того как он был обнаружен, командир полка вызвал начальника артиллерии.

— Завтра же дзот уничтожить, — приказал командир. — В полку и без того людей раз-два и обчелся. Выставьте пушки на прямую наводку и расстреляйте это гнездовище.

Дзот и в самом деле напоминал гнездо хищника, тревожившее всех вокруг и ставшее причиной гибели многих людей.

Артиллеристы открыли огонь. Разрывы густо ложились на скалах. Но едва орудия замолкали, как из дзота снова строчили пулеметы. Пули со звоном ударялись об орудийные щиты, взбивали на земле фонтанчики пыли, со свистом проносились над головами.

— И все же дзот нужно уничтожить, — сказал командир. Он посмотрел на капитана Серова: — Что думает разведчик?

— Думаю, что сделать это можно.

Гарнизон дзота был немногочисленный: пять человек. Жили гитлеровцы заведенным распорядком. Как только сгущались сумерки, двое из них с ведром и термосом направлялись к кухне.

В тот вечер, как всегда, фашисты ужинали вместе. Пустив в темноту для устрашения пару очередей, они уселись за стол. Один из гитлеровцев, завершив трапезу, подошел к амбразуре, прокричал:

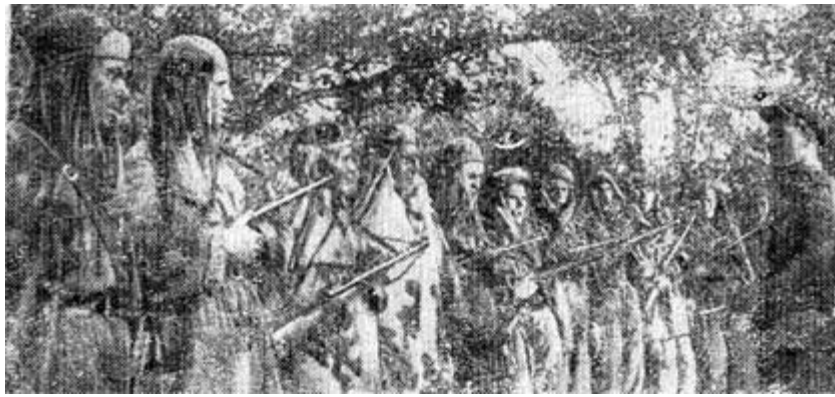
— Эй, рус! Иди атаку! Рус!

Потом заправил ленту в пулемет, выпустил длинную очередь. Вытащил губную гармошку. Под ее аккомпанемент немцы затянули веселую песенку.

А в это время группа разведчиков во главе с капитаном Серовым переходила реку. Шли один за другим, стараясь не всплеснуть воду неосторожным движением.

— Эй, рус! — донеслось откуда-то сверху. — Рус!

Река осталась позади. Впереди группы шел сапер. Прежде чем сделать шаг, он прощупывал землю металлическим стержнем, выискивая мины.



Капитан Серов ставит разведчикам задачу. Лето 1943 г.

Пройдя немного, разведчики уперлись в каменную стену. Все правильно. Вышли, куда надо.

Стена уходила непроницаемой чернотой в звездное небо. Метрах в пяти над разведчиками росло дерево. Чахлое, искривленное, оно крепко вцепилось в скалу. Это одинокое дерево разведчики долго изучали накануне. Используя его, они намеревались взобраться на скалу. Один из солдат, размахнувшись, бросил вверх скрученную в кольцо веревку. Но она тут же упала к ногам.

— Не торопись, — посоветовал капитан Серов. — Бери правей.

Новый взмах. Конец веревки зацепился. Дважды потянули.

— Крепко. Давай первым…

Разведчик, забросив за спину автомат и сняв сапоги, стал подниматься. Сверху посыпались мелкие камни, но враги, увлеченные музыкой, видимо, не услышали…

В темноте разведчики наконец достигли входа в дзот. Дверь была приоткрыта. Из-за нее неслись звуки губной гармошки, смех…

Капитан Серов рывком распахнул дверь и швырнул гранату:

— Получайте, гады!

Взрывной волной дверь сорвало с петель.

— Проверьте пулеметы. Если есть уцелевшие, вывести из строя! — приказал капитан Серов. — И дзот взрывайте!

Взрывчатка довершила остальное…

Герои 8-й воздушной

Пока артиллеристы, автоматчики, саперы сражались с врагом на земле, в небе Миус-фронта дрались летчики 8-й воздушной армии. В мае 1943 года они сделали 2510 самолето-вылетов, в том числе 1144 ночных. За это время летчики уничтожили в воздушных боях и на земле 84 самолета, 155 автомашин, 179 железнодорожных вагонов, 18 орудий и много другой техники противника.

Активными действиями летчики наносили врагу ощутимые потери, вскрывали систему его обороны, разрушали укрепления, огневые позиции, уничтожали резервы. Почти ежедневно они навязывали врагу воздушные бои, не допуская бомбардировок наших наземных объектов.

Немецкие самолеты неоднократно пытались прорваться к железнодорожным узлам — Ростову, Батайску, Новочеркасску, через которые проходило снабжение войск Южного фронта, в том числе и оборонявшихся у Миуса. Большой воздушный бой произошел в районе Ростова и Батайска 25 марта. В нем участвовало с нашей стороны 43 истребителя, со стороны противника — 80 бомбардировщиков и 20 истребителей.

Первой вступила в бой находившаяся в воздухе четверка наших истребителей, возглавляемая гвардии капитаном Амет-Хан Султаном. Капитан, оценив обстановку, принял решение атаковать прежде всего бомбардировщики.

На флагманский самолет немцев устремились машины Амет-Хан Султана и его ведомого Борисова. Они открыли огонь, и «хейнкель», объятый пламенем, взорвался в воздухе. Среди немецких летчиков возникло замешательство. Экипажи фашистских самолетов начали беспорядочно сбрасывать бомбы. Преследуя врага, Амет-Хан Султан сбил «мессершмитт».

Вдруг загорелся самолет Борисова. Летчику искусным маневром удалось в воздухе погасить пламя. И снова его машина устремилась в атаку. У замыкающего четверку гвардии старшего лейтенанта Коровнина иссякли боеприпасы. Он смело пошел на таран «юнкерса», сбил его, но сам при этом погиб.

Участницей другого беспримерного боя четверки наших истребителей с фашистскими самолетами была отважная летчица Лилия Литвяк. Имя этой невысокой светловолосой девушки знал весь фронт. В жаркой схватке Лиля была ранена, но продолжала бой. Всего на этом участке фронта она сбила 12 фашистских самолетов.

9 мая до двухсот немецких самолетов пыталось вновь

совершить налет на Ростов и Батайск. Бомбардировщики были рассеяны нашей истребительной авиацией и огнем зенитной артиллерии. Прорвалось лишь несколько самолетов, которые беспорядочно сбросили бомбы. В этот день было сбито 43 немецких самолета.

В воздушных боях в небе Миус-фронта и прилегающих участков особенно прославились летчики 9-го гвардейского истребительного полка А. Алелюхин, В. Лавриненко, Амет-Хан Султан, П. Головачев, А. Карасев, А. Кавачевич, Г. Кузьмин. Всем им было присвоено звание Героя Советского Союза.

Июль

В упорных боях

5 июля 1943 года началась великая битва на Курской дуге. Ударные группировки немецко-фашистских войск несли огромные потери, но продолжали атаковать наши рубежи. Вражеское командование стягивало в район Курского выступа все новые резервы. Они шли не только из глубины его территории, но и с других участков фронта, в том числе с южного. Здесь, на Миусе, противник рассчитывал удержать оборону меньшими силами. Чтобы заставить врага отказаться от переброски, 18 июля части Южного фронта перешли в наступление. Главный удар был нанесен в районе хутора Ясиновского и села Алексеевки. Нашим войскам удалось прорвать первую линию траншей врага, несмотря на сильное сопротивление.

Немецкое командование спешно перебросило на Миус-фронт 16-ю моторизованную дивизию, которая должна была отправиться под Курск. С пути следования из-под Харькова была возвращена 23-я танковая дивизия. Это было как раз то, чего добивалось наше командование: переброска вражеских войск с Миуса срывалась.

В течение десяти дней на Миусе шли ожесточенные бои.

Экипажу танка лейтенанта Коршунова была поставлена задача прорваться с десантом автоматчиков к Калиновке — населенному пункту, лежавшему в глубине обороны противника. Хутор небольшой, ничем не примечательный: мазаные хаты, кое-где чудом сохранившиеся чахлые деревца, сложенные из камней низкие заборчики. От хутора на запад, юг и север отходили дороги. Перехватив Калиновку, можно было сковать маневр противника, посеять в его тылу панику.

Передний край обороны противника проходил здесь по скатам высот, настолько крутым, что танку нелегко было их преодолеть. Наиболее удобным местом была узкая лощина, по которой протянулась тропа.

Наблюдатели видели на ней гитлеровцев. «Значит, не заминирована», — пришел к выводу лейтенант. И он решил прорываться здесь.

Стояло солнечное июльское утро. Танк находился в укрытии.

— По местам! — скомандовал лейтенант экипажу и солдатам-автоматчикам.

Автоматчиков было семеро. Увешанные гранатами, с оружием в руках, они разместились на броне.

— Держитесь крепче, — предупредил командир.

На предельной скорости танк преодолел передний край

немецкой обороны. Скрываясь в складках местности и редких лесопосадках, он уходил все дальше. В стороне виднелись полуразрушенные дома хутора. На его окраине стояло несколько пушек. Находившиеся возле них гитлеровцы заметались, бросились к орудиям.

А танк, не снижая скорости, устремился дальше и ворвался в Калиновку. Несколько часов танкисты и автоматчики дрались здесь в окружении. Все попытки врага сломить сопротивление горстки гвардейцев были безуспешными. Они выстояли до подхода наступающих пехотинцев.

«Маленький Сталинград» — так называли гвардейцы Дмитриевку. Отбив в бою у врага это село, расположенное на Миусе, воины подразделения капитана Кашпера упорно удерживали его. Гитлеровцы буквально засыпали их минами, снарядами, бомбами. Но гвардейцы-сталинградцы не дрогнули.

Упорные бои шли на всех участках Миус-фронта. В донесении 118-й стрелковой дивизии, сражавшейся в районе Куйбышево, сообщалось: «30 июля части дивизии вели тяжелые бои с пехотой и танками противника. В 9 часов утра противник произвел огневой артиллерийский налет на боевые порядки, командные пункты полков и дивизии. Артподготовка длилась около часу с одновременным массированным налетом авиации, затем пошли танки с десантом и пехота. Бой продолжался весь день и до полуночи. Несмотря на внезапность, огромную силу огня, части дивизии сражались стойко и упорно, отражали танки и пехоту противника…

Умело вели бой воины учебной роты во главе с командиром-коммунистом старшим лейтенантом Якушевым. Рота три раза переходила в контратаку, бойцы забрасывали немцев гранатами, но не сдавали врагу свой рубеж. Командир роты тов. Якушев был тяжело ранен. В предсмертные минуты он сказал: „Жаль оставлять позицию… Отомстите за меня, товарищи…“ [6].»

Бои под Таганрогом. К новым рубежам.

Старшему лейтенанту Зорину с группой бойцов было приказано удерживать высоту. Обходя горстку солдат, гитлеровцы рвались на ее вершину. Они карабкались по склонам, ведя из автоматов непрерывный огонь.

И тогда Зорин решился на последнее. Схватив телефонную трубку он крутнул ручку аппарата:

— «Дон», я — «Резеда»! Огонь на меня!..

Немецкий историк генерал Типпельскирх много позднее писал об июльских боях на Миусе: «…По-видимому, с целью сковать силы немцев войска Южного и Юго-Западного фронтов на нескольких участках между Изюмом и Таганрогом предприняли 17 июля наступательные действия местного характера против 1-й танковой и 6-й полевой армий… На реке Миус в районе Куйбышево русским удалось глубоко вклиниться в оборону 6-й армии. Так как вклинение приняло угрожающий характер, командованию группы армий пришлось бросить на выручку 6-й армии крупные резервы. 30 июля силами трех пехотных, четырех танковых и одной гренадерской моторизованной дивизий 6-я армия нанесла контрудар… В ходе ожесточенных трехдневных боев удалось вернуть захваченный русскими район шириной 20 и глубиной 10 км, и 2 августа 6-я армия вышла на свои прежние позиции на реке Миус»[7].

Немецкий генерал был прав: своим наступлением на Миусе войска Южного фронта отвлекли на себя значительные вражеские силы, предназначенные для переброски к Курской дуге, и тем оказали помощь другим фронтам.

Август

Наступление

Оборона гитлеровцев на реке Миус к лету 1943 года состояла из трех полос. Первая, наиболее укрепленная, проходила по западному берегу реки. Ее глубина достигала 8–10 километров.

Здесь была вырыта сплошная линия траншей с ячейками для стрелков и пулеметными площадками, соединенными с траншеями ходами сообщения. Подступы к главной полосе траншей прикрывались проволочными заграждениями и минными полями.

Вторая полоса обороны проходила от Таганрогского залива по рекам Мокрый Еланчик и Крынка.

Третья полоса начиналась восточнее Донецка и тянулась по реке Кальмиус. Общая глубина миусского оборонительного рубежа достигала 40–50 километров.

После июльских боев части Южного фронта стали готовиться к решительному наступлению. Ставка предписывала, в августе сокрушить врага на Миусе.

В это время Южным фронтом командовал генерал-полковник Ф. И. Толбухин. Членом военного совета был генерал-лейтенант К. А. Гуров, начальником штаба — генерал-майор С. С. Бирюзов.

На левом фланге фронта стояла 44-я армия генерал-лейтенанта В. А. Хоменко. Севернее находились части 28-й армии генерал-лейтенанта В. Ф. Герасименко, соединения которой в феврале 1943 года освобождали Ростов-на-Дону.

Правым соседом 28-й была 2-я гвардейская армия под командованием Г. Ф. Захарова. Во главе 5-й ударной армии стоял генерал-лейтенант В. Д. Цветаев.

Наконец, на правом фланге фронта разместилась 51-я армия, которую возглавил генерал-лейтенант Я. Г. Крейзер.

Действия войск фронта поддерживали авиационные соединения 8-й воздушной армии под командованием генерал-майора авиации Т. Т. Хрюкина.

Кроме того, в состав фронта входили два механизированных корпуса: 2-й гвардейский генерал-лейтенанта К. В. Свиридова и 4-й гвардейский генерал-майора Т. И. Танасчишина, а также 4-й гвардейский казачий корпус генерал-майора Н. Я. Кириченко.

Гвардейцы-пехотинцы переправляются на правый берег Миуса.

Основная роль в разгроме немцев на Миусе возлагалась на 5-ю ударную, 2-ю гвардейскую и 28-ю армии. Они наносили главный удар в 25-километровой полосе между Дмитриевкой и Петропольем.

5-я ударная армия должна была прорвать оборону противника и овладеть Степановкой и Кутейниковым.

2-й гвардейской армии предстояло наступать южнее Куйбышево в направлении Каракуба на реке Кальмиус.

Еще южнее, в районе Петрополье, наступала 28-я армия. Левофланговая 44-я армия, активными действиями сковывая противника с фронта, частью сил должна была ворваться в Таганрог, не дав противнику разрушить при отходе город.

План операции предусматривал, что после завершения разгрома таганрогской группировки противника перейдет в наступление 51-я армия.

На рассвете 18 августа соединения 8-й воздушной армии нанесли по обороне врага бомбовый удар. В шесть часов заговорила артиллерия. Более пяти тысяч орудий и минометов, установленных на скатах холмов и в степных лощинах, разом ударили по немецкой обороне. Позиции врага утонули в черной пыли. Артиллерийская подготовка продолжалась час пятнадцать минут. «Это был ад», — впоследствии говорили пленные гитлеровцы.

Потом в небо взметнулась ракета, и людская цепь, вытянувшаяся во всю ширину степи, устремилась к переднему краю обороны врага, где продолжали бушевать разрывы снарядов.

Соединения 5-й ударной, 2-й гвардейской и 28-й армий пошли в наступление.

Авиация противника группами, по двадцать пять — тридцать самолетов, бомбила боевые порядки наших частей. Гитлеровцы то и дело переходили в контратаки, обороняя каждое строение, высотку, перекресток дорог. Но усилия врага сорвать наступление были тщетны. Наши части продвинулись на 8–10 километров и

освободили населенные пункты Мариновку, Григорьевку, Репеховатый и другие.

В первый же день в прорыв был введен 4-й гвардейский Сталинградский механизированный корпус. Танки с десантом автоматчиков стремительно развивали успех, достигнутый пехотой. За два дня боев было уничтожено более трех тысяч солдат и офицеров противника, около двухсот человек захвачено в плен.

В штабе фронта с особым вниманием следили за боевыми действиями 5-й ударной армии: соединения этой армии вклинились в оборону врага наиболее глубоко и раскололи ее. Армия вела бои на рубеже Степановка — Саур-могила — Артемовка.

Чтобы ликвидировать угрозу, противник сосредоточил в районе Григорьевки 13-ю танковую дивизию, переброшенную из Крыма. Сюда же спешно направлялись с Центрального фронта 9-я танковая и 258-я пехотная дивизии. Позже появилась и 17-я танковая дивизия, выведенная с изюм-барвенковского направления.

20 августа противник силами до трех пехотных полков с семьюдесятью танками при поддержке авиации перешел в контратаку из района Гараны в направлении Семеновского. Вторая его группировка контратаковала части 5-й ударной армии из Камышевахи. Противнику удалось потеснить отдельные наши части и сузить горловину прорыва до трех километров. Но к исходу 21 августа противник был отброшен.

23 августа немцы вновь предприняли контратаку, на этот раз нанося удар с севера силами 13-й танковой дивизии. И этот удар был отражен.

Используя успех 5-й ударной армии, командующий 2-й гвардейской армией перегруппировал силы и ввел в сражение 2-й гвардейский механизированный корпус под командованием генерала К. В. Свиридова.

Подвижным войскам (4-му гвардейскому механизированному и 4-му гвардейскому кавалерийскому корпусам) была поставлена задача — наступать к Азовскому морю, в тыл таганрогской группировки. Сюда же направлялась и часть сил 2-й гвардейской и 28-й армий. Соединения последней должны были выйти к Миусскому лиману на участке Натальевка — Носово.

Днем 26 августа в село Куйбышево, где размещался штаб 4-го гвардейского кавалерийского корпуса, прибыл офицер связи с боевым распоряжением. Корпусу предписывалось к 20.00 войти в прорыв и на рассвете овладеть районом Екатериново — Хапрово — Екатериновка, а затем, освободив Мало-Кирсановку, Латоново,

не допустить отхода противника на запад. В направлении Покрово — Киреевка и по долине реки Сухой Еланчик на юг наступал 4-й гвардейский механизированный корпус генерала Т. И. Танасчишина.

27 августа танковые и казачьи части вторглись в глубину вражеской обороны и устремились на юг. Дерзкими налетами они рвали коммуникации противника, громили его тылы. Над таганрогской группировкой врага нависла угроза окружения. Стягивая войска в район Анастасиевки и южнее, немцы одновременно начали отвод войск в Мариуполь. Прикрываясь сильными заслонами, враг откатывался к побережью Азовского моря, где оставался неширокий проход на запад.

Однако сопротивление врага еще не было сломлено. 28 августа его 13-я танковая дивизия неоднократно атаковала наши части из района Анастасиевки, стремясь прорваться на запад. Эти попытки врага были отражены умелыми действиями 2-го гвардейского механизированного корпуса.

В то же время наша разведка донесла, что в районе Каракуба сосредоточиваются значительные силы врага. Нужно было принять срочные меры для прикрытия наступавших войск от возможных контрударов с запада. С этой целью 29 августа часть сил 2-й гвардейской армии заняла оборону на западном берегу Сухого Еланчика в районе Кутейниково, а 4-й гвардейский механизированный корпус выдвинулся на рубеж Федоровка — Щербаково.

Из Таганрога немцы бежали по уходящей на запад косе, рассчитывая уйти из-под удара советских войск через переправу у хутора Ломакина. Но туда уже вышел 138-й гвардейский кавалерийский полк майора И. К. Минакова. К исходу 29 августа, кроме полка Минакова, к побережью Азовского моря в район Весело-Вознесенка прорвалась 36-я гвардейская танковая бригада 4-го механизированного корпуса.

Главные силы, сжимая фронт окружения, взяли врага в кольцо. Прикрываясь заслонами, противник начал отводить свои части с Самбекского рубежа. Чтобы не допустить выхода противника на запад, наступавшим войскам было приказано решительной атакой покончить с ним.

9-я гвардейская кавалерийская дивизия, которой командовал генерал-майор И. В. Тутаринов, 30 августа вырвалась к Таганрогу с северо-запада. В это же время войска 44-й армии с востока предприняли решительную атаку на Таганрог. Наступление советских войск продолжалось.

Самбекские высоты

Скаты Самбекских высот обращены на восток. Они хорошо видны, когда едешь из Ростова по шоссе или железной дороге.

В августе 1943 года на Самбекских высотах вели тяжелые бои части 130-й и 416-й стрелковых дивизий. Объединенные в группу под командованием полковника К. В. Сычева, они должны были сломить здесь сопротивление врага и ворваться в Таганрог. Воины выполнили задачу, и соединениям было присвоено наименование «Таганрогские».

Накануне наступления нашим разведчикам удалось захватить пленного. Он сообщил, что высоты обороняет 111-я пехотная дивизия и ее позиции сильно укреплены. По приказу командира дивизии полковника Тронье от каждого солдата была взята подписка-обязательство удерживать оборонительные позиции до последней возможности. За нарушение им грозил военно-полевой суд, а их семьям — суровые репрессии.

В ночь на 27 августа взвод автоматчиков лейтенанта Белика и группа саперов с миноискателями и щупами, шедшие во главе отряда, достигли лощины восточнее села Вареновки. Первыми вышли к реке Самбек автоматчики. Приняв боевой порядок, они залегли и стали окапываться. Немного погодя ушли вперед саперы, чтобы сделать проходы в минных полях.

На рассвете немцы обнаружили наших солдат, открыли огонь. Со свистом рассекали воздух осколки мин и снарядов. Загорелся камыш. По земле пополз едкий дым. Он разъедал глаза, забивал легкие. Огонь подступал к окопам вплотную. Люди, укрывшись в окопах, ожидали сигнала.

И вот ударила наша артиллерия. Почти целый час она разрушала вражеские укрепления. С ревом проносились над высотами штурмовики, поливая пулеметными очередями фашистские позиции и сбрасывая на них бомбы.

Не успели самолеты отбомбиться, как из лощин показались наши танки. Не снижая скорости, ведя огонь на ходу, они преодолели реку. А за танками поднялись пехотинцы.

Трое суток нескончаемо гремели бои на Самбекских высотах. Многие воины показали здесь образцы мужества и отваги. Орудие старшего сержанта Костюхина уничтожило прямой наводкой несколько вражеских огневых точек. Немцы открыли по нему яростный огонь из минометов. В строю остался только раненый старший сержант, остальные погибли. Командир отряда, несмотря на ранение, не покинул поля боя. Он действовал за четверых.

Особая тяжесть выпала на долю саперов капитана Колыгина. Под огнем врага они расчищали проходы в минных полях для пехотинцев, танкистов, артиллеристов, штурмовавших высоты.

В ночь на 30 августа полковник Сычев бросил в бой последний резерв. В обход села с севера через заросли камыша, был направлен батальон старшего лейтенанта Жихарева.

— От вас зависит успех, — напутствовал батальон полковник. — Главное — вырваться на гребень.

Удар батальона для гитлеровцев был полной неожиданностью. Фашисты стали поспешно отходить на запад. А вслед им устремились наши передовые подразделения. Вскоре они ворвались в Таганрог.

Бой на Самбекских высотах.

Большая Неклиновка

Главные силы 130-й дивизии наступали из района Александровка — Ряженое. К исходу 29 августа ее 664-й и 528-й полки подошли к селу Большая Неклиновка.

Первыми в село ворвались бойцы старшего лейтенанта Ветошкина. Захватив крайние дома, они закрепились в них. Бронебойщик старший сержант Беляев несколько отстал от цепи стрелков. Приходилось действовать за двоих: помощник был ранен и его отправили в тыл.

— Дом видишь? — крикнул Беляеву офицер. — В нем пулеметчик. Проклятый фашист не дает двигаться.

Наметанным глазом сержант определил огневую позицию и путь к ней. Он бежал, не замечая ни тяжести ружья, ни посвистывания пуль над головой.

Вот он, пулемет, в подвале дома. Сержант прицелился, выстрелил — раз, другой. После второго выстрела пулемет смолк.

А в это время сержант Тульбергенов, используя лощину, проник со своим расчетом в глубину вражеского расположения. Уничтожив две огневые точки, бойцы смело атаковали позиции противника с фланга…

Советскую пехоту не смогли удержать ни танки врага, ни его пулеметы, ни артиллерия. К исходу дня село было взято.

«Черный ворон»

Обгоревшая и искореженная высота с местным названием «Черный ворон», расположенная между селами Матвеевым Курганом и Куйбышево, напоминала хищника, стерегущего добычу. По ее скатам тянулись ряды траншей и проволочных заграждений гитлеровцев. Заминированные подступы к высоте густо простреливались огнем из скрытых в земле дзотов и бронеколпаков.

18 августа части 248-й дивизии, освобождавшей в феврале Ростов, атаковали противника, овладели «Черным вороном» и ворвались на передний край вражеской обороны.

Нельзя без волнения читать строчки донесения, подписанные начальником полиотдела дивизии полковником Дюжиловым:

«…Личный состав в бою действует исключительно храбро. Коммунисты и комсомольцы показывают образцы отваги мужества, увлекая за собой товарищей…

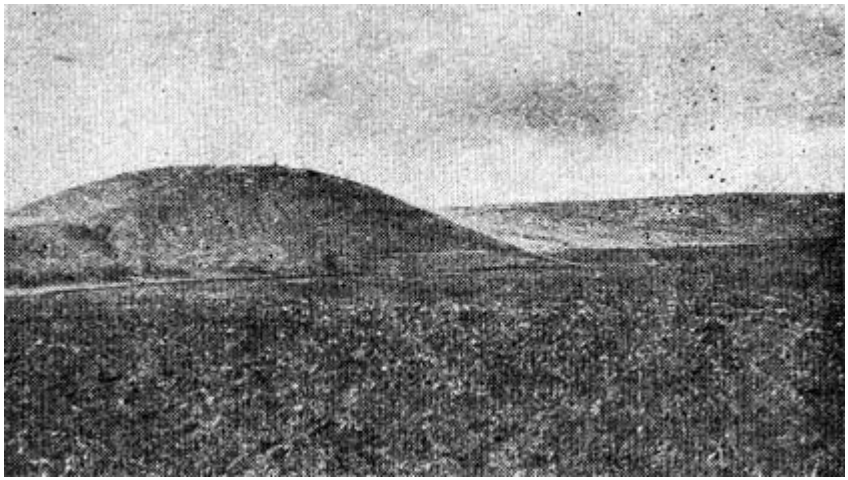
В полку, где командиром майор Филатов, члены партии Гогладзе и Пудовкин и комсомолец Иванов бесстрашно бросились на дзоты противника. Все три патриота пали, сраженные вражескими пулями, закрыв своими телами амбразуры дзотов.

Коммунист снайпер Бурыкин, заметив, что расчет станкового пулемета вышел из строя, лег за пулемет. Будучи тяжелораненым, он не покинул поле боя.

Храбро и умело действовали артиллеристы 8-й батареи. За два дня боев они уничтожили два дзота и до 30 гитлеровцев. Парторг этой батареи Изгаршев из своего орудия уничтожил дзот.

За время боев в партию было подано около 100 заявлений…»

Павел Пудовкин пошел в бой со взводом, который первым форсировал Миус. Он увидел, как из узкой амбразуры дзота вдруг ударил вражеский пулемет. Падали люди, не в силах преодолеть пространство, отделявшее их от высоты.



Высота «Черный ворон».

Пудовкин был коммунистом и остался им до последнего вздоха. Презирая смерть, во имя победы, он бросился вперед, закрыв телом амбразуру. Смолк, захлебнувшись, пулемет. А на высоту пошли наши цепи. Их воодушевил подвиг Павла Пудовкина, которому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Рядовой Мусульманов накануне наступления написал заявление в комсомольскую организацию. Он писал: «Прошу принять меня в ряды ленинского комсомола. В предстоящих боях оправдаю высокое звание комсомольца. Буду бить врага беспощадно».

Пулеметчик Мусульманов, не отставая от цепи наступающих, метким огнем поддерживал атаку. У высоты немцы перешли в контратаку. У пулемета остался только он, комсомолец Мусульманов. Дважды раненный, он с трудом вел огонь по контратакующим гитлеровцам. Сержант, увидев истекающего кровью солдата, предложил сменить его.

В ответ солдат упрямо замотал головой и ответил:

— Пока цел пулемет, пока в ленте есть патроны, пока стучит сердце — Мусульманов не отступит, не уйдет. Мусульманов бить врага будет!

И пулемет продолжал строчить по гитлеровцам, пока солдат не потерял сознание. Но и тогда его пальцы остались на гашетке…

Так героически сражались советские воины, громя ненавистного врага на земле Примиусья. Об их геройских делах напоминает обелиск на высоте «Черный ворон», видный издалека. Его установили ветераны 248-й стрелковой дивизии, учащиеся

ростовской средней школы № 90, труженики колхоза имени Калинина.

На направлении главного удара

На направлении главного удара наступала 24-я гвардейская стрелковая дивизия. Ее подразделения, ворвавшись на вражеские позиции, встретили огневое сопротивление. Особенно ожесточенный бой разгорелся у высоты 102,8 западнее Куйбышево.

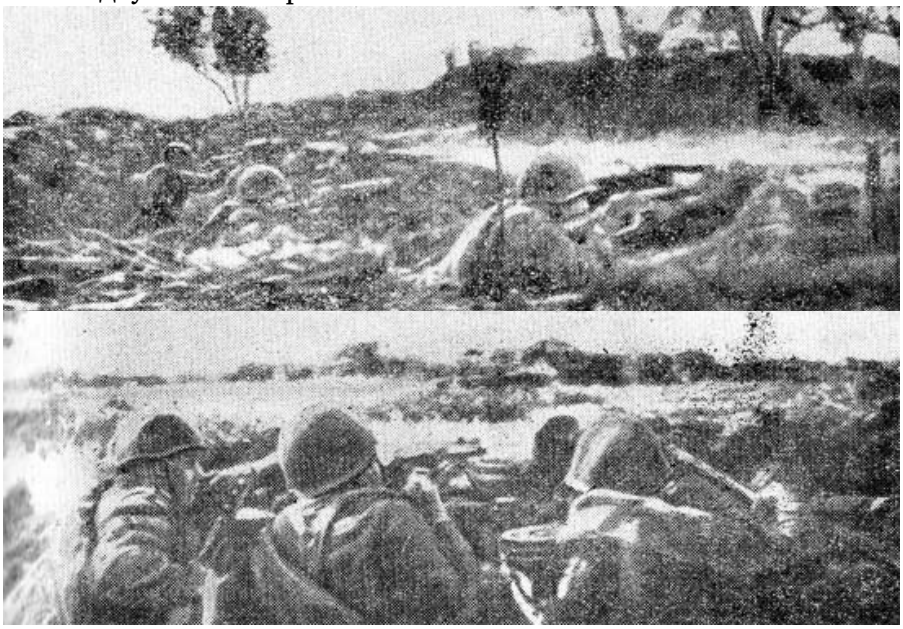
Группа разведчиков под командой капитана Матвеева прорвалась через линию обороны противника. Другие подразделения, воспользовавшись этим стремительным броском, овладели вражескими траншеями. К исходу дня наша часть подошла к хутору Ново-Бахмутский, превращенному противником в опорный пункт на второй линии обороны. Здесь у врага были сосредоточены артиллерия и значительные силы пехоты. В трехстах метрах от населенного пункта наши танки встретили сильный артиллерийский огонь противника и остановились. Тогда заместитель командира батальона старший лейтенант Макковей вскочил на головной танк и, подняв знамя, крикнул: «Вперед, за Родину!» Танки рванулись в атаку, а за ними пошли гвардейцы. После двухчасового боя противник был выбит из Ново-Бахмутского. На улицах осталось более 200 трупов фашистов.

Ночью 19 августа наши подразделения овладели хутором Скелянским, а днем с боем заняли следующий опорный пункт — Бишлеровку. К исходу второго дня наступления гвардейцы продвинулись в глубь обороны противника на 10 километров.

21 августа немцы были выбиты из Мариенгейма. В районе балки Калиновой противник, заняв заранее подготовленный оборонительный рубеж, пытался задержать наступление. 24–25 августа дивизия вела бои на этом рубеже. Противник неоднократно переходил в контратаки, бросая в бой танки. Но после двухдневных боев дивизия, опрокинув противника, продолжала развивать наступление в юго-западном направлении и в течение 25–29 августа овладела населенными пунктами Калиновкой, Петропавловкой, Марфинкой, Анастасиевкой.

На рубеже Мокрый Еланчик в районе Ново-Хапрова противник вновь пытался остановить наступление наших частей. Действуя значительными силами, 31 августа гитлеровцы перешли в контратаку. Создавалось напряженное положение, и командование вынуждено было поставить в оборону саперов. Отражая контратаку противника, саперы подпустили его на близкое расстояние и открыли по гитлеровцам шквальный огонь. Одновременно лейтенант Лапшин бросился со своим взводом на

врага и увлек за собой всю роту. Фашисты, не выдержав смелой контратаки, повернули назад. Бойцы-саперы гнали оккупантов больше двух километров.



Подразделение капитана Кашпера отражает атаку противника.

Рядовой Стренин из 24-й гвардейской дивизии в те дни подал заявление о вступлении в партию. Он писал: «За участие в разгроме группировки Манштейна меня наградили орденом Красной Звезды. На прорыв Миус-фронта я хочу идти коммунистом». Под прикрытием огня станкового пулемета Стренин первым взобрался на скалы и забросал гранатами два дзота противника. Выбив немцев, он захватил пулемет и удерживал занятую позицию до подхода подкрепления.

В боях на Миусе Стренин уничтожил сорок три гитлеровца. В штурме вражеских укреплений он был в первых рядах наступающих. Впоследствии ему присвоили звание Героя Советского Союза.

15-я атака

Гвардейская рота старшего лейтенанта Дмитрия Чумаченко из 5-й ударной армии четырнадцать раз под губительным огнем засевшего на высотах противника атаковала немцев. Используя преимущества позиции и численное превосходство, враг отбрасывал роту назад.

— Чумаченко, почему топчетесь на месте? — кричал по телефону комбат. — Высоту взять!

Старший лейтенант и сам понимал, что эта высота, господствующая над окружающей местностью, является ключевой. Но за три дня боев рота заметно поредела. В ней почти не осталось офицеров, взводами командовали сержанты. Однако рота существовала, ей поставили боевую задачу, и она должна была ее выполнить!

— Сержантов ко мне! — приказал Чумаченко связным.

Первым прибежал старший сержант Андреичев.

— Прибыл, — коротко доложил он и устало прислонился к стене траншеи. За ним появились старшина Мелешкин, сержант Саранин, младший сержант Семенов, парторг роты старший сержант Зайнулин.

— Сколько осталось в роте коммунистов? — спросил Чумаченко у Зайнулина.

— Я один…

Старший лейтенант вырвал из командирской книжки листок и стал быстро писать. Закончив, он передал листок парторгу:

«Даже если эта атака будет для меня последней, идти в бой хочу коммунистом», — вслух прочитал старший сержант.

— Считайте и нас коммунистами, — сказали остальные.

И снова горстка людей пошла на вражеские позиции. Это была пятнадцатая атака.

Горела немецкая самоходка, подожженная старшиной Мелешкиным. А сам он лежал в траве. Убиты были сержант Саранин, старший лейтенант Чумаченко. Командование ротой принял тяжелораненый старший сержант Зайнулин. После пятнадцатой атаки гвардейцы овладели высотой.

Саур-могила

Темной громадой возвышается над изрезанной балками и оврагами примиусской степью высота 277,9. Жители называют ее Саур-могилой, связывая с ней легенды седой старины. Но ни одна из легенд не идет в сравнение с суровой правдой августовских дней 1943 года, когда здесь разгорелись кровопролитные бои.

Используя естественные препятствия, гитлеровцы укрепили высоту, опоясали ее несколькими рядами траншей, проволочными и минными заграждениями. И она стала мощным узлом сопротивления.

Еще в июльских боях нашим войскам удалось углубиться в оборону врага и подойти к Саур-могиле. Высота тогда скрывалась, как вулкан, в клубах сизого дыма, сквозь который вспыхивали огненные всплески.

Отражая бесконечные контратаки танков и пехоты, преодолевая сопротивление врага, части 40-й гвардейской стрелковой дивизии настойчиво продвигались к высоте. Каждый метр давался ценой огромных усилий. Изрытая воронками, земля была густо усеяна осколками, и трудно было понять, чего здесь больше — камней или металла.

С наступлением ночи ушли вперед проделывать проходы в минных полях саперы сержанта Листопада. Вернулись они, когда на востоке уже обозначилась светлая полоска.

Первыми пошли танки. В головной машине рядом с командиром, сидел сержант Листопад. Только ему была знакома полоса, освобожденная от мин.

Едва танки вышли из укрытия, ожила оборона врага. Неподалеку рвались снаряды и мины. Все вокруг заволокло дымом и пылью. В этом густом мареве нелегко было найти проходы, обозначенные заломами бурьяна.

— Стой! — сказал Листопад командиру танка. — Место сапера не здесь.

Он поспешно выбрался из машины, осмотрелся и, найдя проход, смело вошел в него. Танки, взревев двигателями устремились вслед.

Пуля скосила храбреца. Вытянув вперед руку, словно указывая танкистам дорогу к высоте, так и остался он лежать на минном поле…

Сколько здесь было совершено замечательных подвигов — на земле и в воздухе! Над Саур-могилой вспыхнул мотор у самолета младшего лейтенанта Попова. Находившийся в воздухе экипаж другого самолета услышал по радио голос летчика: «Спасти

машину невозможно. Обрушиваю ее на врага. Прощайте, друзья!» Объятый пламенем, самолет врезался во вражескую колонну.

Героический подвиг совершил летчик 76-го гвардейского штурмового авиаполка младший лейтенант Павлов. В паре со старшим лейтенантом Степанищевым он поддерживал наступление пехоты. Неожиданно Степанищев сообщил по радио: «Подбит, мотор не тянет, буду садиться». Штурмовик сел поблизости от расположения войск противника. Павлов посадил свою машину рядом. Фашисты устремились было к самолетам, но остальные летчики, находившиеся в воздухе, преградили им путь огнем. Старший лейтенант Степанищев и его воздушный стрелок быстро перебрались в самолет Павлова. Когда тот взлетел, за ним устремились «мессершмитты», но их атаки были отбиты.

А на земле шел жаркий бой. Обойдя высоту, первыми на вершину ворвались семнадцать воинов 293-го полка во главе с младшим лейтенантом Шевченко. Фашисты сосредоточили огонь по нашим подходившим подразделениям. Семнадцать храбрецов оказались отрезанными от своих. Но тщетно гитлеровцы пытались уничтожить прорвавшуюся вперед группу Шевченко. Десять долгих часов обороняла вершину Саур-могилы горстка воинов. А к вечеру подразделениям полка удалось опрокинуть фашистов и соединиться с группой Шевченко. Кто-то из бойцов прикрепил к металлическому пруту обагренный кровью платок. Этот флаг был водружен на вершине Саур-могилы — высоты 277,9.

Обелиск на Саур-могиле.

У Ломакина

29 августа один из полков 4-го гвардейского кавалерийского корпуса достиг Миусского лимана у Ломакина.

Здесь нескончаемым потоком двигались немецкие войска, отходившие из Таганрога по длинной узкой косе.

Заняв круговую оборону, конники с трудом отбивали следовавшие один за другим удары врага, рвавшегося к переправе.

К вечеру 30 августа после бесплодных атак немцы вдруг стали сдаваться в плен — вначале по одиночке, потом целыми группами.

— Ну-ка, выясните, что это означает, — приказал командир полка майор И. Д. Минаков начальнику разведки.

Разгадка была неожиданно простой. Немцы в панике приняли 138-й полк за 38-ю дивизию, которая била их на Кавказе, и предпочли сдаться.

Это навело Минакова на дерзкую мысль.

— Пишите командиру немецкого полка, — сказал он офицеру штаба. — Так, мол, и так, перед вами дивизия, которая била вас… Где, говорят фрицы, их били на Кавказе?

— Под Моздоком и Малгобеком…

— Так вот: пишите, что там, мол, вам намяли бока, а здесь окончательно выбьют дух. А потому, пока не поздно, предлагаем сдаться в плен.

Этот «ультиматум» направили командованию противника.

На следующий день к Минакову прискакал верховой:

— Товарищ майор, немецкий полковник с офицерами сдались в плен. Полковник настаивает, чтобы его немедленно доставили к командиру дивизии. Комэск спрашивает как быть?

— Тащи его сюда, в балочку. Здесь разберемся, — указал Минаков на лощину, где находился командный пункт.

Немецкий полковник был высок, худ, с гладко выбритым морщинистым лицом. Шел не спеша. За ним семенил немец с погонами лейтенанта.

Немцев подвели к командиру полка. Выжимая на лице улыбку, полковник заговорил. Вперед выступил второй немец, переводчик:

— Полковник рад приветствовать майора и просит представить его командиру 38-й дивизии. Они с ним старые знакомые.

— Это как же понимать — знакомые? — удивился майор.

Немецкий полковник объяснил, что он не раз встречался с

командиром в бою. Не с самим командиром, а с его дивизией.

— Передайте полковнику, что он и его полк взяты в плен не 38-й дивизией, а гвардейцами 138-го кавалерийского полка, — ответил майор Минаков.

— Как! — воскликнул немец, выслушав перевод. — Этого не может быть! Мой полк сдавался дивизии!

Сообщение для гитлеровца было ошеломляющим. Он, опытный вояка, сложил оружие перед полком, который сам у переправы находился в окружении!

— Не отчаивайтесь, полковник, — успокоил его со скрытой издевкой майор Минаков. — Не здесь, так в другом месте это случилось бы. Уж лучше сразу…

В плен сдалось более тысячи человек. Вся боевая техника вражеского полка тоже оказалась в руках казаков.

Август 1943 г. Вот они — «завоеватели» после пленения.

Морской десант

Чтобы не допустить отхода немецко-фашистских войск из Таганрога на Мариуполь, командование решило в ночь на 30 августа высадить в тылу, противника, в районе Безыменовки и Веселого, отряды морской пехоты. Одним из них командовал капитан Ф. Е. Котанов.

Стоя на палубе десантного катера, Котанов вспоминал события последних дней: подготовку отряда, сборы, встречу с командующим Азовской флотилией…

Командующий — контр-адмирал С. Г. Горшков — начал без обиняков:

— На вас, капитан, как участника десанта на Малую землю, возложено командование предстоящим десантом. Состав его небольшой — усиленная рота морской пехоты. Словом, людей негусто, а задача ответственная.

Адмирал подошел к карте. На противоположном берегу Азовского моря было множество заливов, лиманов и кос. В какой-то точке здесь должен сойти на берег со своим отрядом Котанов. А высадившись, принять бой с превосходящими силами противника и упорно удерживать захваченный рубеж.

— У Таганрога, — объяснял меж тем адмирал, — идут бои. С часу на час на побережье ворвутся наши кавалеристы и танки. И тогда таганрогский мешок с гитлеровской нечистью будет затянут. Понятно, противник попытается отойти на запад и, конечно, будет использовать дорогу, что идет вдоль моря на Мариуполь. Тут уж десантникам не дремать…

…Пунктом высадки было небольшое приморское село Безыменовка, километрах в семидесяти от Таганрога. Сейчас, стоя на палубе катера, капитан Котанов представил себе, как через полтора-два часа суда подойдут к берегу, как десантники вступят на занятую врагом землю и вслед за тем вспыхнет нелегкий бой.

Небо осветил луч прожектора. Вот он лег на море и стал рыскать по сторонам. Разговоры на катере смолкли. Скользнув поверх катеров, луч погас.

В полночь суда приблизились к месту высадки. Чтобы отвлечь внимание противника, корабли охранения обстреляли Буденовку — пункт, лежавший правее Безыменовки. Стоя на носу катера, матрос промерял шестом глубину и вполголоса докладывал:

— Четыре… три с половиной… три…

Прижав к груди автоматы, бойцы вглядывались в берег. Справа и слева замаячили темные силуэты других катеров с десантниками.

Наконец шум двигателей умолк.

— Вперед! — скомандовал Котанов.

Высадив людей, катера отошли от берега и заняли позиции для огневой поддержки десантников.

К полуночи высланные в сторону Безыменовки разведчики доложили:

— Там, у села, немцев тьма. Есть танки, автомашины, лошади. Фашисты спят. Только сейчас их и бить…

План у капитана созрел быстро. Огневая позиция минометчиков — на двести метров впереди, у оврага. Автоматчики наступают в центре, цепью. Бронебойщики — в цепи пехоты, чтобы сподручнее было вести огонь по танкам.

Прежде чем дать сигнал к атаке, капитан посмотрел на часы. Была половина первого. И вот взвилась красная ракета. Десантники стремительно атаковали гитлеровцев. В это же время по Безыменовке ударили орудия с катеров.

Неожиданно послышался рев танковых двигателей. Машины шли по дороге на Мариуполь. Отделение противотанковых ружей сержанта Колодко, расположившееся у дороги, открыло по ним огонь почти в упор.

Капитан Котанов понимал, что противник вскоре придет в себя. Впрочем, пусть бойцы получше окапываются.

Капитан не ошибся. Сидевший на бруствере сержант Колодко спрыгнул в окоп:

— Танки! Танки противника повернули назад!

Уцелевшие танки шли развернутым строем. За ними наступала цепь пехоты.

— Отсекай пехоту от танков! — скомандовал старшина Сафонов.

По десантникам открыли огонь тяжелые орудия. Атаки следовали одна за другой. Гитлеровцы остервенело лезли вперед, не считаясь с потерями. Им нужно было во что бы то ни стало смять позиции десантников, неожиданно вставших на их пути.

И вдруг после очередной атаки, когда фашисты вновь откатились, все смолкло. Наступила тишина.

— Отходят! Отходят немцы, товарищ капитан — закричал комсорг роты Духовный.

Он по пояс высунулся из окопа и показывал на дорогу.

— Ведь уйдут же! — выкрикнул кто-то в отчаянии.

— Не уйдут, — спокойно ответил Котанов. — Там уже наши танки и кавалерия…

На Таганрогской косе у поселка Веселый высаживался второй десантный отряд.

В Таганроге

К исходу 29 августа, кроме полка Минакова, к побережью Азовского моря в район Весело-Вознесенки прорвалась 36-я гвардейская танковая бригада. На юг были нацелены и основные силы корпусов генералов Танасчишина и Кириченко. Дни пребывания гитлеровцев в Таганроге были сочтены. Приказу ортскоменданта, в котором сообщалось о прочном положении немецких позиций, никто не верил.

Шестьсот восемьдесят дней хозяйничали немцы в городе. Каждый день приносил людям несчастье и горе, каждый день был для них испытанием. Обманом собрав инвалидов, гитлеровцы их расстреляли. Расстреливали больных, комсомольцев, всех, кто был внесен в списки «неблагонадежных». Не было дня, чтобы на улицах не хватали людей и не тащили в гестапо. Там долго их не задерживали: на машинах вывозили за город и убивали.

Артиллерийский гул в городе слышался все громче. Все чаще над Таганрогом пролетали советские самолеты. Они пикировали на отходящие колонны врага, обстреливали их пулеметными очередями. Открыл огонь из орудий подошедший к городу бронепоезд.

По своему обычаю, покидая город, немцы попытались было оставить для уничтожения его команды подрывников и поджигателей. Однако им не удалось совершить задуманное. В бой за Таганрог включились партизаны. Проникнув в город, совместно с подпольщиками, они стали уничтожать немецких поджигателей и подрывников. В то же время, вооружившись, кто чем мог, вплоть до топоров и ломов, рабочие организовали охрану предприятий и учреждений.

Первыми в город ворвались солдаты из 130-й и 416-й стрелковых дивизий. Преследуя отходящего врага, они быстро продвигались к морю. В районе аэродрома танкисты капитана Золотухина настигли большую группу немцев. В короткой схватке значительная часть гитлеровцев была уничтожена, а оставшиеся сдались в плен.

Со слезами радости встречали жители советских воинов. Старики, женщины, дети бросались к своим освободителям, обнимали их. Вот тесным кольцом окружили они командира пулеметной роты старшего лейтенанта Николая Никитина: ему, уроженцу Таганрога, довелось освобождать родной город. Танкист Потоков у подъезда дома встретил свою мать. Увидев сына, женщина не могла выговорить ни слова. Только плакала у него на груди.

30 августа на заборах и стенах зданий был расклеен приказ. Начальник гарнизона командир партизанского отряда «Отважный-2» Александр Гуда объявлял в нем, что частями доблестной Красной Армии город Таганрог освобожден от немецких оккупантов и что надлежит немедленно взять под охрану все заводы, склады, предприятия общественного питания и важнейшие сооружения.

В здании горсовета уже решались десятки вопросов, связанных с восстановлением города. Звонили телефоны, приходили с делами и спешно уходили люди. В дальнем углу одной из комнат стоял тупорылый пулемет. Там же расположились на отдых вооруженные люди — вчерашние партизаны.

В тот же день столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам Южного фронта двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий. Немецкий Миус-фронт был сокрушен окончательно.

В ходе боев с 18 по 31 августа войсками Южного фронта была полностью разгромлена таганрогская группировка врага. В боях наши войска уничтожили 212 самолетов, 537 танков, 494 орудия, 1500 пулеметов, 3600 автомашин. Противник потерял только убитыми свыше 3500 солдат и офицеров.

Фронт с каждым часом уходил все дальше на запад, переместился из пределов Ростовской области на земли Украины. Разгром врага на Миусе открыл пути для дальнейшего освобождения Донбасса.

К 6 сентября наши войска продвинулись на 75 километров и освободили города Дебальцево, Енакиево, Горловку. А через два дня завершили освобождение Донбасса — важнейшего угольного и промышленного района страны.

Расчеты немецко-фашистского командования на неприступность обороны по реке Миус не оправдались. Советские войска прорвали мощные укрепления противника. С потерей Миусского рубежа рухнула вся система обороны врага на юге.

Освобождение Донбасса имело большое военное, экономическое и политическое значение. Сокрушение Миус-фронта открыло путь для дальнейшего наступления советских войск к низовьям Днепра. Под угрозой быть запертыми с суши оказались вражеские войска в Крыму.

Прорыв Миус-фронта еще раз показал всему миру мощь и силу советского оружия, способность советских войск добиваться победы в любых условиях.

Мемориал в Матвеевом Кургане в честь советских воинов, погибших в боях на Миусе.

После войны

Отгремели бои. Немецко-фашистские оккупанты нанесли громадный ущерб народному хозяйству Примиусья. Почти полностью уничтожили они семенной фонд; сельскохозяйственный инвентарь, тракторы, живое тягло. Серьезно пострадало животноводство. В селах не хватало рабочих рук Но труженики Примиусья, как и весь советский народ, сумели залечить нанесенные раны. Они работали, не считаясь со временем, не жалея сил. В настоящее время здешние колхозы — это богатые, приносящие большие доходы хозяйства.

Самоотверженным трудом колхозники, труженики совхозов воплощают в жизнь величественные предначертания Коммунистической партии. И это является лучшим памятником тем, кто погиб на их земле во имя счастья и свободы советского народа.

В августе 1968 года исполнилось 25 лет со времени освобождения Ростовской области от немецких оккупантов. Это событие широко отмечалось и на Миусе.

Сюда приехали многие защитники легендарного рубежа.

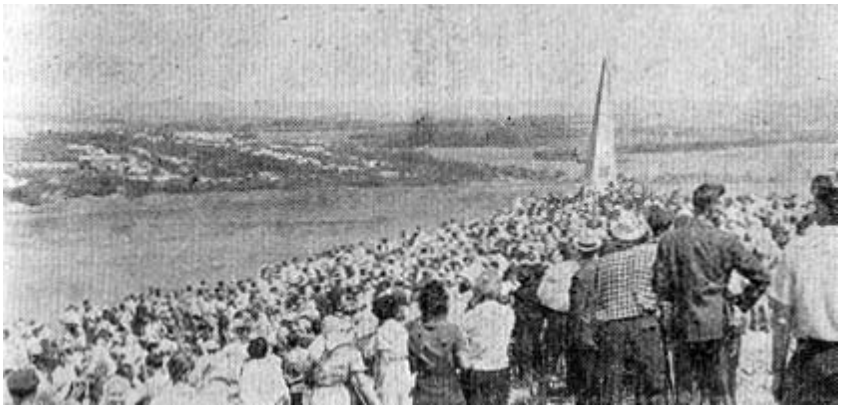
— …Товарищ генерал! Здравствуйте! — восклицает пожилой мужчина в белой рубашке. — Не узнаете?

Генерал внимательно всматривается:

— Шаповаленко! Ось який же ты!

Павел Степанович Шаповаленко, бывший солдат, едва успевает отвечать на вопросы. Приехал он сюда из Донбасса, работает на шахте. Рассказывает, а сам поглядывает на генерал-лейтенантские погоны, звезду Героя, широкую орденскую колодку своего бывшего командира. Ведь это он, Епанчин, в звании майора руководил тогда боем у хуторов Круглик и Зевин.

Бывший командир 248-й дивизии генерал-майор запаса Н. З. Галай по-отечески беседует с Пудовкиным, сыном Героя Советского Союза, повторившим подвиг Александра Матросова на высоте «Черный ворон».

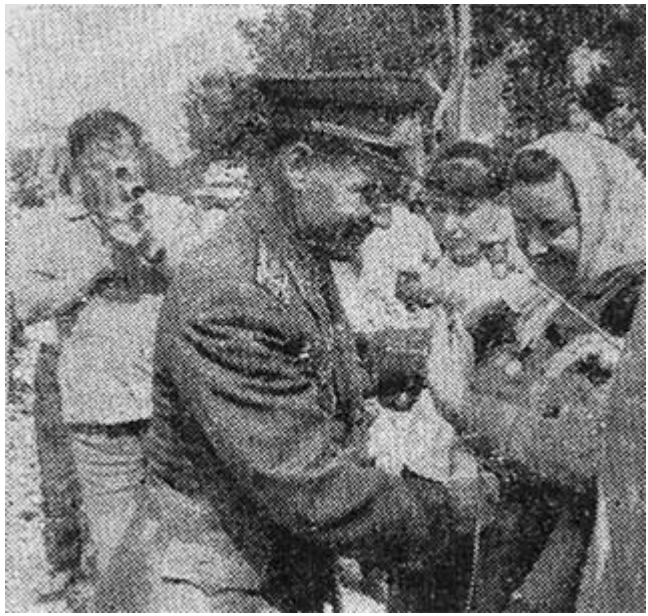


Митинг на высоте «Черный ворон».

Из Ленинграда прибыл бывший командир 23-й отдельной штурмовой бригады особого назначения генерал-майор запаса И. П. Корявко.

Гости из Москвы, Орла, Харькова, Одессы, Ростова, Таганрога, Волгограда. Генерал-майор Сычев, руководивший боем за Самбекские высоты, — в окружении молодых людей. Здесь же Герои Советского Союза С. А. Блинников, А. М. Волошин, Е. Г. Андриенко.

Под звуки боевого марша на площадь Матвеева Кургана выезжает на бронетранспортере Герой Советского Союза подполковник А. М. Ерошин. Это он в февральскую ночь 1943 года первым ворвался на своей «тридцатьчетверке» в Матвеев Курган. Герой Социалистического Труда доярка колхоза «Заря» В. Н. Кучеренко вручает дорогому гостю от имени односельчан хлеб-соль. Решением исполкома районного Совета Ерошину присваивается звание почетного гражданина поселка.



Герой Социалистического Труда В. Н. Кучеренко преподносит хлеб-соль Герою Советского Союза А. М. Ерошину.

Торжества проходили в Таганроге, Неклиновке, на знаменитой Саур-могиле, в каждом селе, где пролита кровь защитников Родины.

В ознаменование годовщины битвы на Миусе колхозы и совхозы учредили премии имени Героев Советского Союза В. Есауленко, Г. Гардемана и П. Пудовкина. Этими наградами трудящиеся района решили ежегодно, 30 августа, отмечать своих земляков, безупречно несущих службу в Вооруженных Силах, а имена их заносить в Книгу почета.

Годы отделяют нас от грозного времени Великой Отечественной войны. Но не меркнут подвиги живых и мертвых. Не померкнуть в веках и геройским делам защитников Родины на земле Примиусья!

notes

Примечания

1

ИМЛ. Документы и материалы отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 15 152, стр. 258.

2

Архив МО СССР. ф. 303, оп. 4005, д. 132, л. 2.

3

Архив МО СССР. ф. 303, оп. 4005, д. 132, стр. 2–3.

4

Эрих фон Манштейн. Утерянные победы. М., Военное изд-во МО, 1957, стр. 386–387.

5

Архив МО СССР, ф. 44А, ап. 9385. д. 98, л. 45–46

6

Архив МО СССР, ф. 382, оп. 8465, д. 42, л. 57.

7

К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., Изд-во иностранной литературы, 1956, стр. 315–317.